

Как мне кажется, к этому сопоставлению он пришел от известного сравнения неучения с тьмою, потому что обладание знанием-светом для Симеона гарантирует праведность. Это — его конечный вывод. Проследим, как он к нему пришел.

Для правильного понимания эстетики Симеона Полоцкого необходимо уяснить, какую позицию он занимал в вопросе о соотношении истин веры и разума. Симеон отвергал точку зрения Тертуллиана и Петра Дамиани, согласно которой истины веры непознаваемы, — точку зрения, лежавшую в основе миросозерцания «старомосковской» партии. Воспитанный на идеях Фомы Аквиинского, Симеон был тем не менее панлогистом, мировоззренчески близким Раймунду Люллию.²² В его представлении истина — одна. Любое положение веры, как догматическое, так и этическое, может быть доказано с помощью доводов разума. Панлогизм, а также ветхозаветное и евангельское учение о Логосе, Слове божии — краеугольные камни эстетики Симеона.

Принципы, почерпнутые Симеоном из Библии, можно суммарно изложить следующим образом.²³ Слово, как атрибут бога, обладает реальной мощью. «Слово господне, которое исходит из уст его, не возвращается к нему пустым, не исполнив того, что ему угодно, и не сделав того, для чего он его послал».²⁴ С другой стороны, слову божью присуще конкретное содержание, и поэтому оно выполняет посредническую функцию между богом и людьми. «Человек, вместивший в себе полноту реального богосознания, полноту божественного открытия, мог быть признан воплощенным «словом» «божиим».²⁵ Воплощение Слова — Иисус, дева Мария; посетители его — пророки и апостолы. Слово судит мир, и посетители Слова призваны быть судиями: им дано вязать и разрешать.

Отправляясь от этих принципов и своеобразно их препарируя, Симеон Полоцкий создал концепцию, если и не вполне самостоятельную (это особая тема), то вполне оригинальную для русской эстетики XVII в. Эта концепция определила для него смысл его творчества как личного нравственного подвига, как камня, положенного в здание грядущего совершенного общества, — поскольку Симеон как всякий мыслящий человек стремился найти положительный смысл в своей деятельности.

Сущность логической операции, которая привела Симеона к мысли, что его деятельность благословенна свыше, — в отождествлении Слова

²² Не берусь утверждать, что Симеон был прямым последователем каталонского философа; может быть, при дальнейших исследованиях отыщется между ними соединительное звено. Напомню только, что в России конца XVII—начала XVIII в. люллианские сочинения пользовались большим успехом. По подсчетам А. Х. Горфункеля, сохранилось 55 русских списков «Великой науки» (она не равнозначна «Универсальной науке» — в Москве был использован не оригинал, а труд кого-то из многочисленных комментаторов Люллия). Вместе с так называемой «Малой наукой», «Краткой наукой» и «Риторикой» количество списков люллианских текстов доходит до 80. Замечательно, что переводчиком и редактором «Великой науки» был один из крупнейших русских поэтов XVII в. Андрей Белобоцкий, а автором «Малой науки» — Андрей Денисов, тоже поэт, правда менее значительный (см.: А. Х. Горфункель. 1) «Великая наука» Раймунда Люллия и ее читатели. — В кн.: XVIII век, сб. 5, М.—Л., 1962, стр. 336—348; 2) Андрей Белобоцкий — поэт и философ конца XVII—нач. XVIII в. — ТОДРА, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 188—213).

Если учитывать влияние люллианских идей, то многие события московской духовной жизни можно толковать по-новому. Это относится к спору о пресуществлении святых даров. Сильвестр Медведев, ученик Симеона, проявил себя в этом споре как последовательный панлогист.

²³ См.: С. Н. Трубецкой. Учение о Логосе в его истории. Философско-историческое исследование. М., 1906.

²⁴ Там же, стр. 255.

²⁵ Там же, стр. 257.